

0770

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Кэрол Маринелли

ДАЙ НАМ ШАНС

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кэрол Маринелли
Дай нам шанс
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 770

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24617334

Дай нам шанс / Маринелли Кэрол: Центрполиграф; Москва; 2018

ISBN 978-5-227-07754-7

Аннотация

Принцесса Лейла, нежеланный ребенок в королевской семье, устала добиваться любви своих родителей и, сбежав из дворца, улетела в Нью-Йорк. В первый же вечер в ресторане роскошного отеля она познакомилась с известным плейбоем красавцем Джеймсом Чатсфилдом и влюбилась в него с первого взгляда. Они провели чудесную ночь, наутро Джеймс покинул ее. Лейла решила, что навсегда...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	35
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кэрол Маринелли

Дай нам шанс

Глава 1

– Лучше бы это была ты!

Принцесса Лейла аль-Ахмар Шурхаади замерла, когда королева Фаррах наконец высказалась.

Впрочем, она и так все знала. Ее мать предпочла бы, чтобы той ужасной ночью погибла она, Лейла, а не ее сестра Жасмин. Однако услышать это было все равно что получить пощечину.

Но Лейла не собиралась это показывать.

Только ночью, только во сне она плакала о любви, в которой ей было отказано.

Время научило ее стойко переносить обиды. Она стояла, гордо подняв голову, пока мать изливала на нее свою злобу.

Долгие годы Лейла делала все, чтобы избежать этого момента, но сегодня она перестала убегать.

После обеда, вместо того чтобы отправиться к себе в комнату, она взяла ганун – маленькую арфу – и начала играть. Для Лейлы это был не просто инструмент. Он был ее другом, ее компаньоном. Его звук, нежный и чистый, ласкал слух, и когда она на нем играла, то верила, что любовь существует.

Даже если родители никогда не баловали ее проявлениями любви.

Ее отца раздражало, что она обожает музыку.

Жасмин играла намного лучше, любил повторять он, когда вечерами, после ужина, Лейла принималась за свой гобелен. Это был все тот же гобелен, над которым она начала трудиться шестнадцать лет назад.

День за днем Лейла распарывала то, что было сделано накануне, отказываясь закончить работу.

«Нет, Жасмин играла не лучше!» – хотелось крикнуть ей.

Жасмин, говорила королева, была способна держать ноту, пока голуби не слетались на подоконник, чтобы послушать ее игру.

Напряжение нарастало уже несколько лет, но сегодня Лейла отказалась подчиниться негласному правилу – соблюдать тишину в главных покоях дворца. Она продолжала пощипывать струны инструмента, игнорируя недовольные взгляды матери.

Если бы здесь был ее старший брат, Зейн, он смог бы разрядить обстановку, переключив внимание королевы на себя.

Но Зейна не было.

«Скоро он женится на девушке, с которой обручен с детства, и вообще перестанет сюда заглядывать», – с тоской подумала Лейла.

О браке Лейлы, хотя ей было уже двадцать четыре года, никто и не думал. У королевы не было никакого желания

этим заниматься. Вот Жасмин, говорила она, была бы прекрасной невестой... Вот у Жасмин родились бы прекрасные дети...

Жасмин, Жасмин, Жасмин...

«А мне, – с горечью размышляла Лейла, – всю жизнь придется ткать этот ненавистный гобелен».

И жить вместе с родителями до тех пор, пока она не умрет. Лейла решила обострить ситуацию, причем сделать это так, как умела только она.

Заговорили ее пальцы – при каждом прикосновении к струнам. Они говорили о том, что не могло быть произнесено вслух.

Говорили правду.

Звуки, которые она извлекала из инструмента, не были умиротворяющими.

Они рассказывали о той ночи шестнадцатилетней давности, когда умерла Жасмин.

Лейле было восемь лет, но она все запомнила и потом, став взрослой, сообразила, что же тогда произошло.

Ее музыка рассказывала о девушке, сбившейся с пути. О шумных вечеринках, о том, как она, покачивая бедрами, танцевала с приятелем Зейна. Некоторые вещи Лейла даже сейчас не совсем понимала, потому что всегда старалась быть хорошей и послушной дочерью. Но ее пальцы – сами по себе – повествовали о запретных плодах и о прекрасной девушке, танцующей с самим дьяволом.

– Лейла... Хватит! – Голос королевы зазвенел от раздражения.

Однако пальцы Лейлы продолжали свой рассказ. Она целиком погрузилась в музыку, передавая гнев Зейна, когда он узнал о предательстве друга.

Лейла вспомнила вырвавшиеся у брата слова: некоторых мужчин, вроде любовника Жасмин, заставляет трепетать лишь азарт погони. Сама добыча им не нужна.

Той ночью Зейн выгнал вон своего бывшего друга. Но Жасмин не захотела расстаться с ним. В этом поступке, точнее, в том, что за ним последовало, королева Фаррах до сих пор винила своего единственного сына.

Пальцы Лейлы, в очередной раз прикоснувшись к струнам, воспроизвели крики, наполнившие дворец, когда стало известно, что автомобильная катастрофа унесла жизни молодой принцессы и ее любовника.

Без единого слова, одной только музыкой, Лейла явила всем правду о той ночи.

– Прекрати! – потребовала королева. Она кричала, мечтая об избавлении, не в силах больше выносить эту пытку.

Фаррах выхватила у дочери арфу и бросила ее на пол. Лейла встала, чтобы поднять свое бесценное сокровище. Вот тогда мать и заявила: «Лучше бы это была ты!»

Золотистые глаза Лейлы встретили разгневанный взгляд матери, умоляя забрать эти слова обратно. Но королева повторила:

– Лучше бы ты умерла той ночью, Лейла!

Теперь она была готова ответить. Она сделала глубокий вдох и сказала:

– Не думай, что это явилось для меня откровением. Ты с самого первого дня, с момента моего рождения, желала мне смерти. – Голос Лейлы не дрогнул, не выдал ее боль. – Ты никогда меня не любила. Даже твое молоко было кислым от обиды и разочарования.

Конечно, это было преувеличение, но, сколько Лейла себя помнила, она всегда чувствовала себя нежеланным ребенком.

– У тебя была кормилица, – бросила мать. – Это, должно быть, ее молоко было кислым от возмущения. Она все время жаловалась, что ты слишком жадно сосешь.

О, если бы не было никакой гравитации, размечталась Лейла, она просто поднялась бы в небо и исчезла.

Но нет, ее ноги по-прежнему стояли на полу, и она должна была все выдержать.

– Как бы то ни было, я жива, – сказала она. – Я не умерла в ту ночь. У меня есть жизнь, и какую-то ее часть я уже потеряла, пытаюсь завоевать твою любовь. Но больше я терпеть не намерена.

Королева молчала. Лейла повернулась и прошла мимо отца, который сидел, обхватив голову руками. Он даже не попытался вмешаться и защитить ее – оттого ли, что его мозг был все еще затуманен скорбью по Жасмин, или от чего-то

другого, Лейла не знала. В любом случае его молчание говорило само за себя.

Ее вышитые туфельки не издавали ни звука, когда она невесомо скользила по мраморному полу, не слыша за собой ничьих шагов.

Нет, королева не пошла следом за ней, чтобы забрать свои жестокие слова обратно. Чтобы сказать, что все это неправда. Что она погорячилась. Что она любит дочь.

Лейла быстро шла по длинному коридору, где с обеих сторон на нее смотрели лица. На стенах висели портреты членов королевской семьи. Обычно она старалась не обращать на них внимания – это было слишком больно. Но ненависть матери была еще больше.

Лейла замедлила шаг и остановилась.

Первым в этой длинной череде был большой семейный портрет. Ее родители вместе с Зейном. Мать, улыбаясь, смотрела на ребенка, который в один прекрасный день должен стать королем.

Лейла восхищалась своим братом. Когда они росли, он всегда старался защитить ее. Особенно после смерти Жасмин.

Зейну пришлось не только испытывать горечь от потери сестры, которая была ему ближе по возрасту, но и нести ответственность за ее гибель. Сердце Лейлы постоянно болело за него.

Но, если честно, хотелось бы ей, чтобы Зейн был сегодня

здесь?

Нет.

Он все равно не мог ей ничем помочь.

Он не мог заставить королеву полюбить свою дочь.

Взгляд Лейлы скользнул к следующему портрету. На нем была изображена Жасмин, с ее знаменитой задорной улыбкой, которой так восхищалась мать.

Но нет, это была не задорная улыбка. Лейла была уверена, что это улыбка манипулятора. Она в детстве часто становилась жертвой манипуляций старшей сестры.

У Жасмин было все, чего не было у Лейлы. Она была красивой, веселой и очаровательно легкомысленной.

Лейла же была серьезной и старательной. Ее сердце сжалось, когда она посмотрела на следующий портрет, для которого они позировали уже втроем: две сестры и брат.

Ее волосы тогда были коротко подстрижены, личико – круглое и невыразительное. Но самым ужасным было не это. Самым большим ее грехом было то, что она родилась девочкой.

Королева рожала долго и тяжело, а после родов стало известно, что она больше не сможет иметь детей. О, как старалась Лейла быть такой, какой хотели бы видеть ее родители! Умной и сильной. Смелой и бесстрашной. Такой же, как Зейн.

Лейла не забыла то утро, когда она, стащив ножницы в королевской кухне, отрезала свои длинные волосы, решив, что,

если она будет выглядеть как мальчик, то ее будут любить.

– Ты очень старалась быть хорошей девочкой, – говорила себе Лейла, глядя в зеркало.

Она не забыла, как разрыдалась, когда мать застала ее в ванной с ножницами и валяющимися на полу волосами. Ее здорово наказали за это.

Волосы отросли, щеки потеряли детскую округлость, а черты лица стали красивыми... однако красота ее осталась незамеченной.

Лейла вернулась в свою комнату.

– Свободна, – бросила она служанке, сидевшей возле двери. – Свободна на весь вечер, – повторила она, когда та не двинулась с места.

– Но я могу вам понадобиться...

– Мне никто не понадобится, – отрезала Лейла. Она знала, что служанка считает ее заносчивой и надменной – так же, как и мать, – но надменность служила ей щитом.

– Свободна, – прошипела Лейла и подождала, пока смущенная девушка не ретировалась.

Войдя в комнату, она сразу направилась в гардеробную. Там висела разнообразная изысканная одежда, расшитая вручную умелыми дворцовыми мастерицами. Но сейчас одежда ее не интересовала.

Встав на колени, Лейла забралась в самый дальний угол и нащупала там инкрустированный драгоценными камнями сундучок.

Ключ от него лежал в кармане одного из платьев. Но когда она повернула ключ и хотела поднять крышку, ее руки вдруг задрожали, словно Жасмин стояла рядом. Лейла даже слышала ее голос:

– Ты должна спрятать эти вещи. Если кто-нибудь найдет их, у меня будут неприятности.

– А если их найдут в моей комнате? – спросила маленькая Лейла.

Жасмин рассмеялась:

– Никому не придет в голову копаться в твоих вещах. Что у тебя можно найти? Книги, книги и еще раз книги... Ну же, Лейла, спрячь их... ради меня... Пожалуйста.

Лейла нахмурилась и покачала головой:

– Нет.

Жасмин одарила ее чарующей улыбкой и обняла за плечи – небольшой дружеский контакт, который всегда действовал безотказно.

– Ну, прошу тебя, сестренка, сделай это. И Лейла согласилась.

В сундучке хранились доказательства того, что Жасмин была далека от идеала. Впервые за шестнадцать лет она решила взглянуть на них. Имея в руках такие улики, Лейла легко могла бы объяснить родителям, что все их представления о Жасмин ошибочны.

Жасмин никогда не была совершенной. Даже Зейн, на чью голову пало обвинение в ее гибели, не догадывался, насколько

ко далеко простирались буйные фантазии его сестры.

«Конечно, она была далеко не идеальна», – думал а Лейла, глядя на короткое платье с глубоким декольте и черные туфли на высоких каблуках. Лейла открыла бутылку водки и понюхала. Запах еще не выдохся.

Нет, она ничего не скажет родителям, она покажет им.

Но... может ли она так поступить с собственной сестрой?

Даже после смерти Жасмин Лейла продолжала защищать ее репутацию. Через пару дней после похорон на имя Жасмин прибыл пакет из Нью-Йорка. Не вскрывая его, Лейла унесла пакет в свою комнату и спрятала в сундучок.

Сейчас ее пальцы разорвали тонкую бумагу, чтобы наконец узнать, что внутри. Там оказался еще один пакет – целлофановый. В нем лежали красный бархатный бюстгальтер и трусики. Лейла пощупала тонкую материю. Это было вызывающе, это было сексуально. Этого не должно быть у молодой принцессы.

И в то же время это было чертовски красиво.

Лейла достала из сундука блистер с таблетками. И, как бы наивна она ни была, догадалась, что это за таблетки.

Если принимать их каждый день, можно заниматься сексом, не опасаясь последствий.

Бросив таблетки обратно в сундучок, Лейла извлекла оттуда помаду. На этикетке было написано «Гордость». Совершенно не подходящее название, решила она и, сняв колпачок, обнаружила, что цвет помады точно такой же, как цвет

нижнего белья.

«Стыд – вот подходящее название», – подумала Лейла.
Но почему, собственно?

Скорее уж это ей, Лейле, следует стыдиться.

Жасмин, несмотря на то что ее жизнь оказалась короткой, познала радость. Ее любили родители, ее крепко обнимали мужские руки.

Взгляд Лейлы снова задержался на таблетках. Она достала одну.

На ее ладони лежал грех.

О, если бы ее кто-нибудь обнял! Хотя бы на мгновение.

Как это, должно быть, приятно, когда тебя целуют.

Лейла наклонила голову, и ее язык подцепил таблетку.

Держа ее под языком, она достала дорожный саквояж. О ее багаже, конечно, заботилась служанка, но саквояж Лейла всегда носила сама. Еще у нее была кредитная карточка, с помощью которой она покупала через Интернет диски и книги.

Сможет ли она воспользоваться ею, чтобы приобрести билет на самолет?

Лейла собралась бежать и достала из ящика стола паспорт. Но куда?

Она взяла пакет с бельем и еще раз посмотрела на обратный адрес.

Нью-Йорк.

Возбуждение и страх сжали ее живот. Она знала, что вряд

ли сможет решиться на это.

Вот Жасмин смогла бы.

Жасмин сбежала бы.

Лейла надела расшитое золотыми нитями платье, головной платок, положила в саквояж пакет Жасмин и вышла из комнаты. Она торопливо шагала по дворцовым коридорам – мимо портретов, мимо гостиной, где сидели ее родители... О чем они говорят? Заметят ли ее исчезновение?

Лейла приказала слуге вызвать машину.

Она щелкнула пальцами, дав знак поторопиться, и, когда машина подъехала, велела водителю отвезти ее в аэропорт.

В кассе она заказала билет в салон первого класса и, затаив дыхание, протянула свою карточку.

Карточка сработала.

Салон был вполне комфортабельным, но Лейла так и не смогла расслабиться, отклонив предложение стюарда приготовить для нее постель.

Она не могла позволить себе заснуть, потому что боялась расплакаться во сне.

Жасмин смеялась над Лейлой из-за этого. Потом над ней некому было смеяться. Но ничего не изменилось. Она просыпалась ночью или утром, и ее подушка была мокрой, а глаза – опухшими.

Поэтому вместо того, чтобы лечь спать, Лейла взяла журнал и, полистав его, остановилась на фотографии с яркими огнями. Таймс-сквер. Трудно представить, что скоро она и

сама будет там. Почти вся ее жизнь, за исключением редких поездок по стране, проходила за дворцовыми стенами. У Зейна было больше свободы, потому что он был мужчиной. А Жасмин изобрела свой собственный способ развлекаться, на который Лейла никогда не отважилась бы.

Она посмотрела на рекламу бара, который предлагал разнообразный ассортимент ярких коктейлей с соблазнительными названиями, и вспыхнула, увидев в списке «Пронзительный оргазм», хотя не совсем представляла, что это такое. Там были и другие, но Лейле понравился тот, который назывался «Манхэттен». Она прочитала статьи о ресторанах, где люди встречались, чтобы поговорить и поесть. И о двух фешенебельных отелях в самом сердце Нью-Йорка. Особенно ее заинтересовал «Чатсфилд». Это была целая сеть отелей, раскинувшаяся по всему миру. В них останавливались самые яркие и самые скандальные знаменитости.

Прочитала Лейла и о своего рода соперничестве между «Чатсфилдом» и отелями сети «Харрингтон». Элегантные и стильные, они гарантировали уединение и покой наиболее важным гостям.

Она вспомнила об этих отелях, когда, пройдя таможенный контроль, оказалась вечером, дрожа от холода, на остановке такси. Пока остальные шумно выражали свое недовольство отсутствием машин, Лейла терпеливо ждала, подняв лицо к небу и впервые ощутив на языке вкус снега.

– Вам куда? – спросил водитель.

Лейла знала, какой отель выбрала бы Жасмин, и уже была готова назвать «Чатсфилд», но в последний момент изменила решение.

– «Харрингтон», – сказала она.

Как бы она ни старалась, ей никогда не стать Жасмин.

Глава 2

Здесь все казалось ей чужим.

Красивым, но абсолютно чужим.

Лейла была рада, что прикрыла лицо. Когда она шла к стойке регистрации, все взгляды были устремлены на нее.

Конечно, она привлекала внимание. Ее расшитое золотом платье было эксклюзивным. Идеально ровно держа спину, девушка попросила, чтобы ей дали самый лучший номер.

Но все оказалось не так просто. Лейле пришлось ответить на множество вопросов, причем некоторые поставили ее в тупик. Она солгала насчет своего адреса и наградила сотрудников отеля надменным взглядом, когда они поинтересовались номером ее телефона.

– Я хочу, чтобы меня просто проводили в мой номер.

Однако они продолжали расспросы.

– Мисс?

Лейла нахмурилась.

– Ваше семейное положение? – пояснил порттье. Лейла посмотрела на свою банковскую карточку – там было написано только «Лейла аль-Ахмар» – и облегченно вздохнула. Она может быть кем захочет.

– Мисс, – твердо проговорила она.

Когда данные были занесены в компьютер, она снова протянула карточку. «Работает ли она еще?» – с опаской поду-

мала Лейла. Может, родители уже заметили ее исчезновение и заблокировали карточку?

Когда она вошла в свой номер, горничная распаковывала ее саквояж. Лейла заявила, что справится с этим сама. Горничная не уходила, видимо ожидая дальнейших распоряжений.

– Вы свободны, – резко бросила Лейла.

Оставшись одна, она подошла к окну и долго смотрела на оживленные улицы, пытаясь представить на них себя.

И не смогла.

Тогда Лейла сняла платье и скромное белье и надела вещи, которые принадлежали Жасмин.

И не узнала себя.

Из зеркала на нее смотрела красивая яркая женщина. Черное платье с глубоким декольте не скрывало узкую ложбинку между грудями. А вот с молнией ей удалось справиться не сразу. У Лейлы никогда не было платьев на молнии, а пуговицы на спине всегда застегивала служанка.

Длинные черные волосы она расчесывала до тех пор, пока они не заблестели. Лейла ни разу в жизни не делала макияж, но сегодня она аккуратно покрасила губы и, сделав шаг назад, посмотрела на свое отражение.

Да, она могла стать Жасмин.

Она была более стройной и уже на несколько лет старше, чем ее покойная сестра. И, впервые заметив, что они похожи, Лейла попробовала улыбнуться так, как улыбалась Жасмин.

Не из-за этого ли сходства ее ненавидит мать? За то, что она жива, а Жасмин умерла?

Нет, напредила себе Лейла. Ее, скорее всего, возненавидели с первой же секунды после рождения.

Лейла положила в саквояж свое расшитое золотом платье и спрятала его под кровать.

Принцессы Лейлы аль-Ахмар Шурхаади больше не существовало.

У нее не было сумочки, чтобы положить туда магнитный ключ от номера, поэтому она засунула его в бюстгальтер.

Спустившись в лифте на первый этаж, Лейла на мгновение замерла.

Сдержанность и элегантность были визитной карточкой «Харрингтона». Известные люди, останавливаясь в этом отеле, не сомневались, что их оградят от какой бы то ни было шумихи. Но красота Лейлы была столь изысканной, что невольно притягивала к себе взгляды.

Она к такому вниманию не привыкла, и ей это не понравилось.

Услышав звуки фортепиано, Лейла направилась туда, откуда они доносились.

Она вошла в бар и остановилась. Звон бокалов и приглушенные разговоры на мгновение смолкли.

Ей стало страшно.

Какой-то толстяк повернулся и неторопливо ощупал взглядом ее фигуру. Еще один мужчина сделал то же самое,

но очень быстро, лишь на мгновение задержав глаза на ее груди. Все это было так неожиданно и неприятно, что ей захотелось убежать.

Глупая, глупая затея!

О чем, черт возьми, она думала? Что она может стать такой, как Жасмин? Никогда!

Но затем это случилось.

Впервые за всю свою жизнь Лейла почувствовала, что ей рады, когда обернулся сидящий за стойкой мужчина. Их взгляды встретились. На мгновение он замер и нахмурился, словно пытался понять, к какому типу женщин ее отнести, а потом улыбнулся.

Лейлу еще никто не встречал такой теплой улыбкой. Никто и никогда. Он не смерил ее взглядом с головы до ног, как это сделали другие, он просто посмотрел ей в глаза и улыбнулся. Она невольно тоже улыбнулась. И направилась в его сторону.

– Я передумал, – сказал мужчина бармену. Голос у него был глубокий и низкий. – Я, пожалуй, выпью еще стаканчик. – И снова посмотрел на Лейлу. – Чем вас угостить?

– Не знаю... – протянула она, глядя на разноцветные бутылки на зеркальной стойке.

Лейла не чувствовала себя смущенной и растерянной. Она понимала, что столь неопределенный ответ его не беспокоит. Он просто ждет ее решения. На мгновение девушка задумалась, вспоминая коктейли, которые видела в жур-

нале. Разумеется, она не собиралась попросить тот, который заставил ее покраснеть.

– Как насчет «Манхэттена», поскольку это мой первый вечер в Нью-Йорке?

– Отличный выбор, – откликнулся он.

Женщина показалась ему настоящим совершенством. Единственное, что ему хотелось бы изменить в ее внешности, так это цвет помады.

Но скоро помады на губах не останется – в этом он был уверен.

Заскучав в пресной атмосфере «Харрингтона», Джеймс Чатсфилд уже собирался уходить, чтобы отправиться в какое-нибудь более оживленное место. Он успел отказаться от следующего коктейля, когда в зале вдруг стало тихо. Даже бармен умолк на середине фразы. Джеймс повернулся, чтобы посмотреть на причину воцарившейся тишины...

Лейла кивнула, согласившись с его выбором, и стала смотреть, как бармен готовит коктейль, хотя на самом деле ее гораздо больше интересовал другой мужчина. Мужчина, сидевший рядом с ней.

Высокий, с густыми темными волосами, спускающимися на воротник рубашки, он был красив и хорошо одет. В то же время в нем ощущалось нечто дикое, говорящее о том, что его не так легко приручить. Что-то такое, что бросало вызов условностям и делало его не похожим ни на кого из сидящих в баре. На нем был галстук, но верхняя пуговица рубашки

была расстегнута. Он не был гладко выбрит, однако вид имел ухоженный. А когда Лейла подошла к нему и он улыбнулся, его близость не испугала ее.

Всю жизнь она чего-то боялась.

Всю жизнь ей казалось, что она занимает слишком много места и всем мешает. Теперь же она чувствовала себя в полной безопасности.

– Меня зовут Джеймс.

– А я... – Она была готова назвать свой титул, но передумала. – А я Лейла.

Она не из тех девушек, с которыми болтают возле барной стойки, решил Джеймс и предложил ей сесть за столик. Лейла выбрала тот, который находился в тени. Не потому, что хотела уединиться. Ей не нравилось, что на нее смотрят слишком много глаз. Она присела на диванчик, предполагая, что Джеймс сядет напротив, однако он устроился рядом с ней.

Это не выглядело навязчивым – между ними оставалось расстояние, – но то, что он предпочел место рядом, заставило Лейлу улыбнуться.

Им принесли коктейли. Джеймс увидел, как расширились ее глаза, когда она сделала глоток. Кончик ее розового язычка скользнул по губам, перед тем как бокал опустился на стол.

– Восхитительный коктейль, – сказала Лейла. – Я чувствую, как он согрел меня внутри, хотя и был холодным.

Джеймса обычно не интересовали какие-либо сведения

о его партнершах. Однако сейчас ему почему-то захотелось выяснить все до последней мелочи.

– Так это, значит, ваш первый вечер здесь?

Лейла улыбнулась:

– Я сегодня впервые узнала вкус снега, пока ждала такси в аэропорту.

– Почему вы не позвонили мне? – поинтересовался он. – Я бы приехал и забрал вас.

Глупо, но романтично. Лейла улыбнулась. У нее возникло ощущение, что они ждали друг друга всю жизнь. И сцена, в которой она выходит из аэропорта и попадает прямо в его объятия, не казалась такой уж нелепой.

Джеймс спросил, откуда она прилетела, и девушка замялась.

– Из Дубая, – солгала Лейла. – Я здесь по делам.

– Каким же бизнесом вы занимаетесь?

Это был простой вопрос, но она снова ответила не сразу. Тонкие пальцы коснулись нежного уха.

– Я работаю в музыкальной сфере и приехала посмотреть кое-какие выступления.

«Ложь, – подумал Джеймс, когда ее щеки порозовели, – хотя и довольно странная».

Впрочем, его это не волновало.

Просто ей не было смысла лгать ему, вот и все.

Джеймс посмотрел на руку Лейлы и заметил, что она не носит колец. Пальцы у нее были тонкие и очень изящные,

словно выточенные из слоновой кости. Так что, возможно, она и не солгала...

– А вы?.. – спросила Лейла. – Чем вы занимаетесь?

– Ну, я не слишком усердствую, – признался Джеймс. – Мой отец зовет меня Джимини. – Когда она нахмурилась, он пояснил: – Сверчок Джимини. – Лейла продолжала хмуриться, и Джеймс сообразил, что, вероятно, она не знает эту песенку. – Это такой счастливый парень, который не любит много работать. – Он улыбнулся. – Я тружусь по часу в день, играя на фондовой бирже, а остальные двадцать три часа делаю все, чтобы пустить деньги на ветер.

– А что вас привело сюда? – спросила Лейла, делая еще один глоток коктейля.

– Я здесь с инспекцией. Я – Джеймс Чатсфилд... – Он увидел ее удивленный взгляд и добавил: – Отели «Чатсфилд».

Его брат Спенсер был намерен приобрести «Харрингтон» и думал, что это не составит труда. Но Изабелл Харрингтон, которая недавно встала во главе бизнеса, неожиданно отвергла его предложение, и все запуталось.

Джеймс устал от своего семейства; ему хотелось только одного – держаться подальше от родственников. Тем не менее, исключительно из любопытства, никому ничего не сказав, он решил заскочить в «Харрингтон».

– Мой брат Спенсер хочет купить этот отель, и я заехал посмотреть, что он собой представляет. И очень рад, что это сделал.

– Я тоже, – кивнула Лейла.

Джеймс взял ее за руку, и она опустила глаза на их пальцы. Контакт был очень нежным и в то же время чувственным. Пальцы переплелись, ладони сомкнулись.

– Мне хочется еще коктейля, – мягко проговорила она, – но не хочется отпускать вашу руку.

– Тогда не отпускайте. – Джеймс поднес бокал к ее губам.

Лейла сделала глоток, чувствуя, как его взгляд ласкает ее горло.

– Если честно, мне знакомо ваше имя. Я прочитала о ваших отелях в самолете.

– Этот не мои отели, – возразил он. – Я не желаю иметь с ними всеми ничего общего.

– А у вас много отелей? Джеймс улыбнулся:

– Я имею в виду мою семью. Но да, у нас много отелей. Даже в Дубае есть один, но я там не был. Думаю, следует исправить это упущение. – Он одарил Лейлу самой порочной из своих улыбок, но тут же одернул себя. Подумать только, он даже не поцеловал ее, а уже намекает, что готов с ней встретиться еще раз. Это было не в его характере, поэтому он сказал: – Хотя, скорее всего, нет. Ману, эксперт по связям с общественностью, предупредила меня, что мой стиль жизни там не приветствуется. Законы у вас куда более строгие...

– Вы себя плохо ведете, Джеймс?

Он снова улыбнулся:

– Это очень милое определение, но, признаю, у меня есть

склонность к плохому поведению.

Лейла посмотрела на его пальцы, поглаживающие ее руку, и неожиданно ощутила смелость.

– Тогда давайте будем вести себя плохо вместе, – предложила она и тут же испугалась, что он может отказаться.

– Мы обязательно попробуем, – рассмеялся Джеймс и отпустил ее руку, хотя ей этого не хотелось.

Впрочем, она недолго страдала от отсутствия контакта между ними.

Джеймс вытащил из кармана платок и обмакнул его в стакан со своим коктейлем. Лейла нахмурилась, когда рука с платком приблизилась к ее лицу, однако отстраняться не стала.

– Что вы собираетесь делать?

– Убрать то, что не нужно, – объяснил Джеймс.

Обычно ему нравился женский макияж – своего рода маска. Но с Лейлой все обстояло по-другому. Ему хотелось раздеть ее, увидеть обнаженной, и начать он решил прямо сейчас.

Лейле понравилось мягкое прикосновение его пальца к ее губам, понравилось, как сузились его глаза, когда он сосредоточился на том, чтобы стереть помаду с ее губ.

Понравилось само сосредоточение.

На ней.

– Вот теперь вы – совершенство, – заявил Джеймс. – Почти.

– Почти?

Он порылся в кармане и вытащил оттуда тюбик губной помады.

– Что это за мужчины, которые носят с собой губную помаду? – удивилась Лейла.

Джеймс улыбнулся:

– Это бальзам. Если кататься на лыжах столько, сколько катаюсь я, без него не обойтись.

Лейла нанесла бальзам на губы и прикоснулась к ним языком. Ей понравился легкий восковой налет с ванильным привкусом, но было невозможно представить, что ее отец или Зейн носят в кармане подобные вещи.

Девушка, при всей своей наивности, все же имела некоторое представление о жизни. Она была знакома с друзьями Зейна – заносчивыми плеябоями. Ей не нравилось их отношение к женщинам. Женщин они просто использовали. Однако сейчас она не чувствовала, что ее используют. В Джеймсе было что-то, заставляющее Лейлу улыбаться, чувствовать себя красивой. Таких ощущений она никогда раньше не испытывала.

– Вы не похожи на других, – заметила она.

– Бинго!

– Бинго? – переспросила Лейла.

Хотя английский язык она знала достаточно хорошо, это слово было ей незнакомо.

– Это означает, что я чувствую то же самое, глядя на вас, –

сказал Джеймс и тут же прикусил язык.

Он никогда не вступал в длительные отношения, но при этом говорил Лейле то, что не говорил ни одной женщине. Давать ложные обещания ему не хотелось.

Завтра он уедет.

– Здесь и сейчас, – уточнил он.

– Здесь и сейчас?

– Мне плохо удаются серьезные отношения, поэтому я предпочитаю в них не вступать.

– Предпочитаю? – снова переспросила Лейла.

Это слово она тоже не знала, однако Джеймс решил, что она просит объяснить его позицию.

– У меня когда-то были серьезные отношения... но моя подруга решила на этом заработать и продала средствам массовой информации нашу историю, со всеми интимными деталями, с содержанием наших разговоров наедине... А у вас? – спросил он. – У вас были когда-нибудь серьезные отношения?

– Никогда.

Это была правда, но Джеймсу даже в голову не могло прийти, что Лейла говорит абсолютно искренне.

Им принесли еще по коктейлю. Но вовсе не от них у Лейлы кружилась голова, и ей стало очень весело. Коктейли здесь ни при чем. Все дело было в мужчине, который задавал ей вопросы и, не выпуская ее рук, смеялся глубоким бархатым смехом.

– Не хотите поужинать? – поинтересовался он. Лейла покачала головой. Она испытывала совсем иной голод.

– Мне хотелось бы побольше узнать о вас.

Джеймс и так уже сказал слишком много, но золото ее глаз завораживало. И он начал говорить о том, что является грубияном, плейбоем и повесой, что у него свой путь в жизни и что он обладает даром Мидаса, когда дело касается фондовой биржи. Он рассказал Лейле, как проводит время, развлекаясь на вечеринках и прыгая в море с отвесных скал... и признался, что никто не смог приручить его, и ему плевать, что о нем думают.

– Я старался хорошо себя вести, но махнул на это рукой, когда мне исполнилось восемнадцать, – закончил Джеймс. – Я пытался добиться совершенства, однако, что бы я ни делал, отец никогда не был доволен.

– По крайней мере, на вас обращали внимание, – сказала Лейла. – Меня же просто не замечали.

– Не замечали? Вас? Разве это возможно?

– Возможно. Моя мать... – Она замялась. Если мать не любит дочь, люди могут подумать, что ее не за что любить, и Лейла тщательно скрывала это. Она решила слегка исказить факты. – С тех пор как умерла Жасмин, моя старшая сестра, мама не могла на меня смотреть. Я устала ждать и теперь делаю то, что хочу. Живу как хочу.

– Ну, и как ваши родители к этому отнеслись? Они одобрили ваше решение?

– Разумеется, нет. И никогда не одобряет.

Джеймс поднял бокал.

– Ну, тогда выпьем за двух паршивых овец.

Они дружно выпили, салютуя всем своим промахам, допущенным, по мнению родителей. Колени их соприкоснулись, глаза встретились. О, это был самый лучший вечер в ее жизни!

– Так какова ваша цель? – спросила Лейла. Ей безумно хотелось узнать еще что-нибудь об этом человеке. – Чего вы хотите достичь, превращая все вокруг себя в золото? Когда вы проводите время на вечеринках... когда весь мир лежит у ваших ног, чего вы добиваетесь? Есть что-то, чего у вас нет? Что-то, что вы желали бы получить?

– Вас, – сказал Джеймс, и его губы приблизились к ее губам.

Лейла слегка откинула голову назад.

– Скажите правду.

– Вам не понять.

– Может быть. Но в любом случае мне хотелось бы услышать.

Джеймс задумался.

– Я хотел бы узнать, – наконец произнес он, – что это такое – достигнуть дна.

Может, тогда он хоть что-нибудь почувствует.

Лейла понимающе кивнула.

– Я уже достигла. – Она не сомневалась, что, как только

взойдет солнце, семья отречется от нее. Но пока она была с Джеймсом, это не имело никакого значения. Лейла посмотрела мужчину, который вытащил ее из ада. – Но, похоже, мне удалось найти путь вверх.

Она никогда не целовалась. И сейчас это произошло. Губы Джеймса были мягкими и теплыми. Вначале Лейла просто получала удовольствие, наслаждаясь их вкусом. Она увидела, что он закрыл глаза, и поступила так же.

А потом ее губы начали двигаться, отвечая на поцелуй. Одна его рука коснулась ее щеки, другая обхватила талию. Лейла хотела придвинуться к нему ближе, сесть на колени, хотела, чтобы Джеймс обнял ее.

Ее губы сами собой раздвинулись, желая получить что-то еще, что-то неведомое...

Джеймс прервал поцелуй. Обычно он мгновенно принимал атаку, но эта женщина определенно заслуживала чего-то большего, а не только его руки, ласкающей ее бедро.

– Потанцуем? – предложил он.

– Я не хочу танцевать. Я хочу целовать тебя.

– Пойдем... – Джеймс встал и потянул Лейлу за руку. Его тело жаждало более тесного контакта.

– Я никогда не танцевала, – призналась она.

– Мне кажется, ты говорила, что любишь музыку.

– Я люблю играть, – сказала Лейла, когда он обнял ее за талию. – Люблю слушать...

Теперь ей предстояло почувствовать музыку.

Они медленно двигались в такт томной мелодии. Зарывшись лицом в волосы Лейлы, Джеймс поглаживал пальцами ее обнаженные руки, посылая дрожь по всему ее телу.

– От тебя так приятно пахнет, – прошептал он и прижал ее к себе так, чтобы она почувствовала силу его возбуждения.

У Лейлы закружилась голова, между бедрами стало влажно, губы искали его губы.

– Не здесь, – предупредил Джеймс, отказывая ей в поцелуе, и добавил, надеясь, что она не согласится: – Мы можем пойти в какой-нибудь бар, если тебя здесь что-то стесняет...

– Стесняет?!

Лейла еще никогда не чувствовала себя более свободной. Она двигалась вместе с музыкой, прижимаясь к мужчине, чье тело заставляло ее испытывать боль ожидания.

– Или, – осторожно предложил Джеймс, – мы можем отправиться в «Чатсфилд»...

Именно там он обычно встречался с женщинами. И никогда в его квартире. Это было бы уже слишком. Но, решил Джеймс, если она не согласится на «Чатсфилд», он, в виде исключения, пригласит ее к себе – так отчаянно он хотел ее.

Ответ Лейлы приятно удивил его:

– А разве мы не можем пойти ко мне в номер?

Она смотрела на его губы, наслаждаясь его теплом. Она жаждала остаться с ним наедине.

«Уж не ангел ли спустился ко мне с небес?» – подумал Джеймс, услышав эти слова.

– Конечно, – мгновенно согласился он.

– Только еще один танец.

Лейле не хотелось расставаться с теплом его рук. В ее душе звучала музыка, которую она никогда не слышала. С каждым новым движением, с каждым вздохом эта музыка вдыхала жизнь в самые укромные уголки ее тела. Грудь Лейлы болела, и где-то в животе, в самом низу, возникла потребность ощутить этого мужчину. Внутри.

Ее губы жаждали его губ. Его пальцы, сквозь ткань платья осторожно исследовавшие ее спину, неожиданно вызвали напряжение, заставляя Лейлу почувствовать себя обнаженной.

– Мне нужен твой поцелуй, – призналась она.

Джеймс посмотрел на нее.

Глаза ее подтверждали это. Она говорила правду.

– Сейчас же. – В ее голосе послышалось нетерпение.

– Ты больше не хочешь танцевать? – спросил он, чувствуя, как в ней растет желание. – Музыкант, который никогда раньше не танцевал... это, должно быть, требует огромной силы воли.

Лейла была рада, что он ее обнимает. Без него она, наверное, упала бы.

И она сказала то, что заставило Джеймса немедленно увести ее с танцпола.

– Сегодня у моей силы воли выходной.

Глава 3

Слава богу, они были одни в лифте, и Джеймс поцеловал Лейлу так, как обычно целуются мужчина и женщина, оказавшись наедине.

Их губы принадлежали друг другу, его руки сжимали ее ягодицы, бедра прижимались к бедрам. Его страсть росла, эрекция была такой, что причиняла страдание.

Они прошли половину коридора, когда Джеймс снова поцеловал Лейлу.

– Где?.. – спросил он, когда они подошли к двери.

Он помнил, что у нее не было с собой сумочки.

– У меня в бюстгальтере, – пробормотала Лейла.

Его рука скользнула по ее груди и на мгновение задержалась. Резко выдохнув, Джеймс извлек теплую карточку, открыл дверь номера и сбросил пиджак.

Лейла завела руки за спину, пытаясь расстегнуть молнию на платье. Все, чего хотел Джеймс, – это взять ее немедленно, прямо там, у стены. Но вместо этого он повернул Лейлу спиной к себе.

– Я сам тебя раздену, – сказал он, хотя мог овладеть ею уже через мгновение.

Обычно Лейлу раздевала служанка.

Но не так, конечно.

Джеймс положил ее ладони на стену, и она прижалась к

ней щекой. Замок молнии спускался все ниже и ниже, язык мужчины скользил следом за ним по спине Лейлы. Она ощущала дрожь, когда подбородок Джеймса касался ее нежной кожи, а его рука оказалась между ее бедрами. Маленькие трусики были влажными, и она застонала, как только его пальцы оттянули резинку и нашли точку, о существовании которой Лейла даже не подозревала.

– Как ты узнал?.. – удивилась она.

Ее ноги были как ватные, когда он отпустил ее.

– Не останавливайся, – взмолилась Лейла.

– Мы и не останавливаемся, – заверил ее Джеймс, распрямляясь и поворачивая ее лицом к себе. Он спустил платье вниз, и она предстала перед его восторженным взглядом в красном белье и туфлях на шпильках.

Джеймс провел пальцем по тонкому бархату бюстгалтера, любуясь, как заострившиеся соски откликаются на его прикосновения. Лейла прикусила нижнюю губу, когда он вместе с тканью втянул в рот ее сосок.

– Пожалуйста... – взмолилась она.

Это было самое приятное ощущение, которое она когда-либо испытывала, но все равно этого было недостаточно.

– Не торопись, – попросил Джеймс. Он редко использовал это слово.

Будь на ее месте другая, он уже давно взял бы ее...

Но вместо того, чтобы немедленно удовлетворить страсть, Джеймс играл с темным соском Лейлы, лаская его губами.

Ее волосы пахли так же, как кожа, — то был необыкновенно приятный экзотический аромат, и поэтому он не торопился.

Лейлу поразило, что мужчину может привлекать ее грудь, но это было так приятно, что она взмолилась о продолжении, когда он отстранился.

— Джеймс...

Его губы оторвались от ее груди, оставив ее набухшей и жаждущей... Но пауза была недолгой. Джеймс опустился на колени и поцеловал ее между бедер. Лейла едва держалась на ногах, всхлипывая от новых захватывающих ощущений. Это было словно голод, словно жажда. Это было порочно и в то же время невыносимо сладостно.

— Но это не секс... — выдохнула Лейла, когда Джеймс стянул вниз красные бархатные трусики и попробовал ее на вкус языком.

Это было не похоже на картинки в книге, стоящей в дворцовой библиотеке, в которую она несколько раз заглядывала из любопытства.

— Хочешь, чтобы я остановился? — спросил Джеймс.

Его губы касались средоточия ее женственности, дыхание было теплым, искушающим.

Лейла ничего не ответила, только прижала к себе его голову.

— Джеймс...

Она хотела, чтобы он остановился, и в то же время противилась этому. Его губы дарили ей невероятно острые, ин-

тенсивные ощущения. Ноги Лейлы дрожали, руки Джеймса сжимали ее ягодицы, и не было никакой возможности уклониться от его неумолимого языка. Лейла боялась упасть, но он удержал ее, прижав к ней свое лицо, и она достигла апогея.

Джеймс и сам был близок к этому и поспешил отстраниться.

Медленно открыв глаза, Лейла встретила его взгляд.

– Теперь моя очередь, – заявила она, и он улыбнулся ее самоотверженности. – Я хочу посмотреть, как это произойдет с тобой.

На его рубашке было слишком много пуговиц. Лейла плохо справлялась с ними, поскольку привыкла, что пуговицами занимаются служанки. Она попыталась поцеловать грудь Джеймса, как это делал он с ее спиной, когда расстегивал молнию на платье, но была так нетерпелива, что оторвала несколько пуговиц.

– Ты очень красив, – сказала Лейла, любуясь его гладкой кожей, чуть тронутой заггаром.

Соски Джеймса были такого же темно-красного цвета, что и губы, и они заслуживали того, чтобы попробовать их на вкус. Она расстегнула ремень на его брюках. Змеистая дорожка волосков на животе показалась ей немного колючей. Лейла почувствовала через ткань возбуждение мужчины и на мгновение остановилась, чтобы поцеловать его.

Ничто не пугало ее – лишь вызывало любопытство.

Джеймс застонал, когда она дотронулась до символа его мужественности. Другую руку Лейла прижала к его рту, и он втянул ее пальцы в рот. Его брюки соскользнули на пол, и он переступил через них.

Неожиданно она перестала ласкать его.

– Сними их, – распорядилась она, показывая на его носки.

Это прозвучало как удар бича.

– Тебе нравится приказывать, Лейла? – поинтересовался Джеймс, избавляясь от оскорбившей ее принадлежности своего туалета.

Девушка пожала плечами.

– Нравится ли льву рычать? – спросила она. – Для меня это естественно.

– Позволь себе отдохнуть от себя. Хотя бы сегодня, – предложил Джеймс. – Сними бюстгальтер, – скомандовал он.

Бюстгальтер и так был наполовину снят, однако Лейла не подчинилась.

– Сними сам.

Сладкое противостояние...

С порочной улыбкой Джеймс повернул ее спиной к себе и расстегнул бюстгальтер.

– А теперь – в постель.

Лейла не могла дышать, казалось, воздух просто не попадал в легкие. Ей нравились жесткие нотки в голосе Джеймса. И хотя он говорил строго, у нее не было ощущения, что ею недовольны.

– Иди в постель, Лейла, – повторил Джеймс. – Твоя очередь наступит завтра.

«Какого черта я завел речь о завтра? – подумал он. – Не будет никакого завтра». Джеймс поднял с пола пиджак, достал из кармана несколько серебристых упаковок и подошел к кровати. Лейла лежала перед ним, и каждая ее клеточка трепетала в предвкушении. Она увидела, что он разорвал фольгу и надел презерватив. Девушка мало разбиралась в таких вещах, но эта розовая штука ей определенно не понравилась.

– Сними, – сказала она. – Я принимаю таблетки.

Джеймс был весьма осторожен и никогда не терял голову. Он не подчинился ее приказу, и Лейла сама стянула презерватив.

– Терпеть не могу запах пластика...

Ей хотелось снова вдохнуть его мускусный аромат.

И вдруг ее опрокинули на спину. Губы Джеймса впились в ее губы, сильные ноги раздвинули ее бедра. Его тяжесть оказалась приятной, жесткость поцелуя и легкая щетина на подбородке возбуждали.

Джеймс был быстр и точен – короткий прицел и стремительное проникновение. Выгнувшись, Лейла вскрикнула от острой боли.

Что за черт?! Ему было ужасно тесно.

– Я сделал тебе больно...

– Это не боль... – прошептала Лейла.

Болью была жизнь без него. Жизнь, в которой ее не замечали.

Ее рука легла ему на спину, ей не понравилось, что он прервал поцелуй.

– Ты должна была предупредить меня... – прохрипел Джеймс.

– Я это сделала. Я сказала, что никогда...

Он почувствовал, что ее рука давит на его спину, побуждая продолжать. Джеймс слегка отстранился, а потом повторил рывок. И снова причинил Лейле боль. На ее глазах выступили слезы. Тогда он оперся на локоть, другую руку подложил ей под голову и поцеловал ее. Он поцеловал Лейлу так, как никогда и никого не целовал, сердце ее сразу поняло это. Поцелуй исцелил рану в ее душе. А боль внизу живота стихла, и вместо нее появилось ощущение блаженства. Губы Джеймса стирали годы, когда ее не замечали, все жестокие слова, что были сказаны в ее адрес. И это было даже эффективнее, чем музыка. Теперь Лейла не сомневалась, что любовь существует.

Джеймс стал более решительным, как только она начала двигаться вместе с ним. Он убрал руку из-под ее головы, чтобы предоставить ей большую свободу. Ее голова опустилась на подушку. Стоны наслаждения, как заметила Лейла, возбуждали мужчину. Он двигался все быстрее и быстрее...

И тогда она обрела это.

То место, которое всегда искала.

Место восхитительного слияния и неги. И она оказалась там вместе с Джеймсом.

Лейла выкрикнула его имя. Ей нравилось, что он упал на нее, нравилась тяжесть его тела, пока они лежали, постепенно возвращаясь в реальность.

У Джеймса был миллион вопросов к ней, но сейчас он не мог вспомнить ни одного.

– Давай спать, – сказал он.

Лейла устала. Он понял это по медленному движению ее ресниц.

Джеймс заснул, однако она только притворялась, что спит.

Лейла не хотела, чтобы он проснулся от ее плача, хотя была уверена, что не будет плакать сегодня. Еще никогда она не чувствовала себя такой спокойной и удовлетворенной. И дело было не только в сексе, но и в руках Джеймса, обнимающих ее, и в мерно поднимающейся и опускающейся мужской груди под ее щекой.

Какое это было блаженство – чувствовать контакт с другим человеком. Лейле казалось, что она готова вообще не спать ради того, чтобы наслаждаться этим ощущением.

Она не спала до самого утра.

Наконец Джеймс пошевелился. Лейла повернула голову и попробовала на вкус его солоноватую кожу. Ее рука скользнула вниз, пальцы сомкнулись вокруг того, что показало ей этой ночью новую сторону жизни.

Рука Джеймса накрыла ее руку, вызывая нарастающую страсть.

Он не любил утренний секс.

Это было слишком интимно и слишком много обещало.

Но сейчас ему хотелось повернуться, приподнять подбородок Лейлы и поцеловать ее. Хотелось снова раздвинуть ее бедра.

Джеймс стремился к этому, однако вопросы, возникшие ночью, не давали ему покоя.

Он встал и заявил, что ему нужно принять душ.

Зеркало в ванной поведало ему всю ночную историю.

Его грудь была покрыта следами поцелуев Лейлы, и, похоже, его мучило похмелье. «Один коктейль был явно лишним», – подумал Джеймс, становясь под душ. Ну, к этому он привык. Но когда он посмотрел вниз и увидел кровь на своем бедре, то понял, что его беспокоило. Она оказалась девственницей! Это было уже слишком.

К такому он не привык.

Джеймс потянулся за мылом и огляделся. Ему нравилось разгадывать секреты женских ванных комнат. Он ожидал обнаружить какой-нибудь флакон причудливой формы с экзотическими духами – волосы Лейлы пахли просто изумительно, – однако увидел всего лишь стандартный набор, предоставляемый отелем «Харрингтон».

Выключив воду, Джеймс обмотал бедра полотенцем и взял тубик с зубной пастой. Ощущение, что что-то здесь не

так, не давало ему покоя.

Ни одна из женщин, с которыми он был знаком, не имела так мало вещей. В ванной лежали лишь щетка для волос, маленькая косметичка с губной помадой и – хвала небесам! – противозачаточные таблетки.

Бизнес-леди путешествует налегке?

Выйдя из ванной, Джеймс направился к гардеробу.

– Что ты делаешь? – спросила Лейла, заметив на его небритом лице выражение напряженной озабоченности.

– Хочу взять халат.

Джеймс стянул с вешалки халат с логотипом отеля. Но ему был нужен не халат. Его подозрения подтвердились. В гардеробе не было ни одежды, ни обуви, ни чемодана.

Ничего.

Затянув пояс на халате, он посмотрел на лежащую в постели женщину.

Может, она журналистка? Они частенько за ним охотятся. Похоже, вчера вечером он был излишне разговорчив.

А может, это подсадная утка? Может, Изабелл решила воспользоваться ситуацией, узнав, что он в «Харрингтоне»? Да, Изабелл пойдет на все, лишь бы дискредитировать Чатсфилдов.

– Хочешь позавтракать? – предложил Джеймс.

– А почему бы нам не позавтракать в номере? – Лейла понимала, что покажется странным, если она наденет к завтраку вечернее платье.

– Почему бы нам не пойти куда-нибудь? – продолжал настаивать он.

Лейла подняла на него глаза. Они покраснели от недостатка сна. И пока она смотрела на Джеймса, ей стало ясно, что связавшая их магия прошлой ночи исчезла.

– Ну, хватит меня гипнотизировать, – буркнул он. – Вставай, и пойдем завтракать.

Джеймс надеялся, что она скажет, что ей нечего надеть, поскольку ее багаж еще не прибыл. Но Лейла молчала.

– Почему ты решил одеться? – наконец спросила она. – Еще рано.

– На девять у меня назначена встреча.

А сейчас только начало седьмого.

Он противоречил сам себе.

Противоречил во всем. С одной стороны, он не хотел уходить. С другой – ему казалось, что его намеренно втянули в странные отношения. В отношения с Лейлой. С ее невинностью. С ее ложью.

Однако уйти просто так Джеймс был не в силах.

– Позвони мне... – Он вырвал из блокнота листок с номером своего мобильного телефона. – И дай мне твой номер.

– Мой номер?

– Номер твоего мобильного.

– У меня его нет... – Лейла прикусила язык. Ведь она бизнес-леди, и, конечно, у нее должен быть мобильный телефон. – Я его не помню... и он у меня в саквояже...

– Разумеется. – Джеймс сухо кивнул и, закончив одеваться, вышел из номера.

Нет, ангелы с небес не спускаются.

Глава 4

Звезды, которые увидел Джеймс, когда его голова удари-лась о кирпичную кладку, были совсем не похожи на те, что сияли на небе ночью, проведенной с Лейлой.

На несколько секунд мир потемнел, потом наполнился мерцающими серебристыми вспышками.

И ничего, кроме вспышек, в нем не было.

Джеймс закрыл глаза, желая остаться в этом мире навсегда, однако чей-то сердитый голос приказал ему вернуться.

«Связь с Лейлой не могла остаться без последствий», – подумал Джеймс, смиряясь с судьбой.

В аллее за отелем «Чатсфилд» он был неожиданно атакован наследным принцем Зейном аль-Ахмаром Шурхаади. Тот защищал честь и достоинство своей сестры.

Джеймс с самого начала подозревал, что Лейла лжет.

Но теперь ему стало ясно почему.

Ничего удивительного, что она скрыла от него правду. Зейн кричал об оскорблении не только Лейлы, но и всей королевской семьи и даже нации.

– Это тяжкое бремя для женщины, – сказал Джеймс, отвечая на яростную тираду принца. – Кто бы мог подумать, – прохрипел он, – что честь нации зависит от непорочности твоей сестры.

– Ты не имеешь права рассуждать о непорочности! – Рука

Зейна сильнее сжала его горло. – Ты не правитель. Ты ничем не связан. У тебя нет обязательств.

Зейн ошибался. Тем утром, когда он ушел от Лейлы, Джеймс едва дождался десяти часов, чтобы послать ей букет цветов с просьбой позвонить ему.

Она не позвонила. На следующий день он послал ей еще один букет. И через день тоже.

Бесполезно.

Джеймс позвонил в «Харрингтон», но, поскольку он не знал ее фамилии, ему не смогли сказать, уехала она или все еще находится в отеле. Однажды он дошел до двери ее номера, но вовремя остановился, посчитав это безумием. А потом он заставил себя поехать на горнолыжный курорт, рассчитывая избавиться там от этого наваждения.

Он танцевал. Он флиртовал. Он целовался. Но ничто не трогало его. Каждый вечер он один возвращался в свой номер.

И думал о Лейле. Вспоминал, как они сидели и разговаривали. Как легко им было откровенничать друг с другом.

Как, выпив пару коктейлей и отпраздновав, таким образом, свою принадлежность к паршивым овцам, они поняли, что подходят друг другу. Что их мысли и чувства почти одинаковы...

Джеймс посмотрел на Зейна.

– По крайней мере, я не отношусь к женщинам как к собственности.

– Возможно, и нет, Чатсфилд. Однако это не умаляет того факта, что ты недостойно обошелся с тем, что принадлежит мне. Все члены королевской семьи находятся под моей защитой. Тебе повезло, что мы не на моей родине. Там я гораздо более жестко наказал бы того, кто нанес нам такое оскорбление.

Оскорбление?

В той ночи не было ничего оскорбительного. Сколько недель она не выходит у него из головы! Это можно было бы назвать оскорблением, если бы желание не было взаимным. Однако Лейла очень активно участвовала в предполагаемом оскорблении ее страны. Правда, это Джеймс решил не говорить.

Он стряхнул руку Зейна и заявил, что тот чертовски напоминает ему одного одиозного библейского персонажа. А когда Зейн запретил ему даже вспоминать о том, что случилось, не говоря уж о том, чтобы слить информацию в прессу, Джеймс рассмеялся ему в лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.